

КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Алексей Шестопап *

Каждый из нас невольно связан с опытом своего поколения и через призму своего поколения рассматривает многие социальные, политические и религиозные проблемы. Если говорить об основных итогах поколения, к которому принадлежит автор обсуждаемой нами статьи, я и другие старшие по возрасту участники нашей дискуссии, то следует обратить внимание, прежде всего, на радикальные изменения во взаимоотношениях политики и религии. Произошло разрушение утопии, причем вначале нам казалось, что это будет только разрушение политических утопий индустриального общества, но затем мы увидели, что рушатся и утопии постиндустриального общества, в создании которых мы сами принимали участие. Постепенно нам все более и более становилось ясно, что уходит целый пласт сознания и политики, который связан с эпохами Возрождения и Просвещения и охватывает несколько веков европейской и мировой истории. Конец утопии, который стал особенно ясен на рубеже веков, сопровождался ростом неравенства, хаоса и насилия. Надо сказать, что конец утопической политики во многом вызван кризисом традиционных партий, т. е. политическая жизнь и демократия, связанные с партийным представительством, есть атрибут секулярной политики в эпоху Просвещения. Сейчас стали возникать другие формы политической организации — политические мобильные движения, в том числе такие, которые имеют сетевые формы, связанные с новыми инфор-

мационными технологиями. В политической жизни происходят достаточно важные изменения.

После разрушения утопии второе место по значимости занимает растущее влияние мировых религий. Когда речь идет о влиянии мировых религий, то чаще всего говорят об исламе, начиная с исламской революции в Иране. Мне думается, что не все так просто. Например, особое значение еще до событий в Иране имело создание государства Израиль, затем был Второй Ватиканский Собор, а уже потом, действительно, наступило пробуждение исламского мира. Однако наряду с этими важными событиями, в религиозном плане не менее значимы Холокост и мученичество за веру в Советской России. Кризис утопий и возвышение мировых религий создают новые возможности для мирового сообщества, совершенно иную, чем прежде, основу политических взаимоотношений, основанную не на договорных, но на сакральных основаниях. Однако создаются и новые опасности, причем они возникают не в связи с подавлением религии, как это бывало раньше, но, наоборот, в связи с ситуацией религиозного подъема.

Какие возможности и угрозы несут в себе эти новые явления для развития гражданского общества, для формирования активной, творческой и ответственной личности? Рассмотрим сначала более привычную парадигму «индустриальное-постиндустриальное общество». Здесь для гражданского общества открываются следующие **возможности:**

* Шестопап Алексей Викторович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии МГИМО(У) МИД России

быстрое умножение и распространение знаний, создание сетей общения, мобилизации и активного действия. В то же время в этой парадигме для гражданской активности нарастают **угрозы**: тотальный контроль и манипуляция человеком, массовое распространение антиценностей.

Теперь обратимся к парадигме «секулярное-постсекулярное общество». Содержащиеся в ней **возможности** включают в себя духовно-нравственное возрастание человека, упрочение ценностных основ национальных и международных обществ. Содержащиеся в ней **угрозы** – это воинствующее невежество, рост влияния тоталитарных сект, политический экстремизм под маской мировых религий.

Какой же может быть стратегия гражданского общества в этих обстоятельствах? Думается, что это не стратегия информационного быстрого действия (при всем уважении к этому ресурсу), а стратегия поиска ценностных оснований личности и общества. Особое значение в этом поиске имеет диалог между Университетом (основным действующим лицом постиндустриального общества, производящим и воспроизводящим знания) и Церковью (основным действующим лицом постсекулярного общества, производящим и воспроизводящим духовные ценности).

Свои особенности есть и у России. За последние полтора века мы прошли два политических цикла, в каждом из них демократические реформы сыграли важную роль. Первый цикл – либеральный, который продолжался после освобождения от крепостного права, с 1861 по 1917 год, примерно 70 лет. Второй цикл – социалистический, с 1917 по 1991 год, также примерно 70 лет. Интересно, что есть большое сходство у того и другого цикла, которые начались с коротких периодов демократизации. Не будем недооценивать ни либеральных реформ Александра II, ни широкой волны социалистической демократии, при всей ее своеобразности, в первое десятилетие после социалистической революции. Затем была полная победа самодостаточной и самодовлеющей бюрократии, кото-

рая сменила и в первом, и во втором циклах периоды демократических (либеральных и социалистических) опытов. Далее наступает период форсированной демократизации: в первом случае – февральская революция, во втором случае – так называемая «перестройка». Затем следует крах и распад страны, крах 1917–1918 годов и крах 1991 года, причем мы вполне можем сопоставить Брест-Литовский мир 1918 года и Беловежские соглашения 1991 года.

Другая часть истории – это история Русской Церкви. В том и другом цикле мы видим ущемление свободы Церкви. Конечно, во втором случае несравнимо большее, но, надо сказать, и в первом цикле демократический нигилизм и бюрократическая регламентация нанесли большой ущерб Церкви. Вместе с тем, пройдя через тяжелый опыт в конце первого цикла, Церковь восстанавливает Патриаршество, в самый тяжелый момент социального кризиса она возрождается. Затем следует трагический период истории, связанный с многочисленными случаями мученичества за веру, причем преследования христиан идут как со стороны государственной верхушки, так и со стороны массовой демократии. Не будем недооценивать преследования Церкви со стороны неверующих, безбожных масс. Из этих глубин страданий Церковь достигнет того, что получило название «второго крещения Руси».

Через какую призму смотреть на опыт России в постсоветский период? Если мы будем смотреть через призму названных политических циклов, то увидим историю упадка и краха. Если мы будем смотреть через призму церковной истории, то увидим невиданное обновление и возрождение Русской Православной Церкви. Возникает вопрос: несет ли демократия ответственность за гражданские войны и распад страны и каковы шансы развития демократии и в каких формах? Мне кажется, что шансы развития демократии в виде партий и посредством партийной системы в нашей стране крайне малы в силу мировой ситуации, о которой я выше говорил, и в силу нашей национальной традиции.

В православной Восточной Европе упор вообще делается не на партийное или частное, а на общее. «Православная традиция соборности предполагает сохранение единства общества на основе непреходящих нравственных ценностей».¹ Нам хуже, чем Западной Европе, даются всякого рода разделения и разграничения. Это восходит еще к временам патристики, в православии все тяготеет к единству и в личном, и социальном, и политическом плане. Надо, мне кажется, понять, что эти различия, которые существуют как между политическими традициями, так и между культурными, религиозными традициями Западной и Восточной Европы, нельзя преодолеть разом, усилием политической или религиозной воли. Здесь иногда имеет место некая наивность или леность мысли, которая просто не хочет работать над преодолением тех различий, которые реально существуют.

Какие партии в России имели шанс утвердиться, придти к власти? Как показала история, имели шанс партии, пародирующие Церковь, с лидером Цезарем – живым «богом» на античный манер. Кстати, надо сказать, что к тоталитаризму тяготели все российские партии, в том числе и либеральные. Наши либералы – скорее не либералы в духе А. Смита, а либертены в духе французской революции. Исторические архетипы русской власти воспроизводятся очень настойчиво: сначала князь и дружина, затем царь и двор, затем генеральный секретарь и аппарат ЦК, затем президент и президентская администрация. Я не имел возможности быть при дворе императора, но мои непосредственные наблюдения за нравами аппарата Центрального Комитета КПСС и последующими нравами дают много пищи для размышлений. Означает ли это, что у нас нет демократической традиции, хотя в русской истории были Вече, Земские Соборы, Советы, Государственная Дума в начале и конце 20 века? Как показывают наши представительные учреж-

дения и демократическая традиция, они живы тогда, когда за ними стоит Церковь, потому что в основании русского общества положен не общественный договор, как в Западной Европе, а выбор веры и сакральной миссии. Если у нашей демократии есть будущее, то это не партийная, а соборная и вокруг Церкви складывающаяся демократия.

Следует сказать еще и о том, что у нас очень сложная демографическая, этническая ситуация. За последние годы Россия теряла в год до миллиона человек. Что это означает? Это не означает, что вакуум не заполнялся. Идут мощные миграционные потоки. Мы вступили в один из исторических этапов метисации, причем это не первый этап, поскольку в истории России постоянно происходили, сменяя друг друга, метисации: славяне, хазары, норманны в Киевской Руси; затем русские и угрофинны в Московской Руси; затем русские и тюрки Поволжья, Великой степи (эта метисация еще не закончена до сих пор). Затем были мощные смешительные процессы в XIX и XX веках в связи с включением Средней Азии и Закавказья в состав России.

Каждый раз метисация была связана с политическими смутами, с очень сложными поисками национальной идентичности. Интересно, что для поисков национальной идентичности нужна наднациональная идея, причем это может быть религиозный универсализм мировых религий, может быть утопия, которая была сначала либерально-просвещенческая, а затем социалистическая и коммунистическая. Для нас очень важной проблемой представляется диалог мировых религий, в первую очередь христианства и ислама на нашей территории.

Нам важна не формальная многопартийность и не формальная федерация, а соборная жизнь Церкви и диалог, творческое сотрудничество религий и культур России в построении гражданского общества и воспитании творческой и ответственной личности гражданина.

THE CRISIS OF CIVILIZATION AND CIVIL SOCIETY

A. Shestopal, Doctor of Sciences
(Philosophy), Professor, PhD, Head of
the Department of Philosophy, MGIMO
(University) under the Ministry for Foreign
Affairs of Russia

Литература:

¹ Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. М., 2008. С. 18.